

Курс де лимбэ молдовеняскэ литерарэ контемпоранэ. Вол. 1.1 — Ынтродучеря, II — Фонетика, III — Лексиколожия, IV — Морфоложия. Суб ред. луй А. Т. Борщ, Н. Г. Корлятану (редакторы принч.) ши В. П. Соловьев. — [Кишинэу, «Шкоала советика», 1956. 515 стр. (Ин-тул де историе, лимбэ ши лит-рэ ал Филадель Молдов. а Акад. де шtiinца а Униуний РСС).

Вышедший из печати первый том «Курса современного молдавского литературного языка» содержит краткий очерк истории молдавского литературного языка, описание звукового строя современного языка и его лексики, в большей же своей части посвящен анализу грамматического строя (морфологии).

В работе приведен обширный фактический материал. Излагаемые положения иллюстрируются в большинстве случаев хорошо подобранными примерами из современных авторов, а также из произведений классиков молдавской литературы и ранних памятников молдавской письменности.

Довольно полно и всесторонне описана молдавская лексика. При этом рассматривается как формирование лексики, так и ее особенности в настоящее время.

Указанный раздел работы можно вообще считать наиболее удавшимся, хотя отдельные вопросы (специфика молдавской лексики, славянские элементы, народная этимология) могли быть рассмотрены в нем более детально¹.

Гораздо менее удачен другой дополнительный раздел «Курса» — «Фонетика». Написанный без учета важного в данном случае опыта румынских фонетистов и по существу содержащий лишь перечень артикуляционных особенностей отдельных звуков без определения фонематических соотношений, он не дает даже приблизительно верного представления о системе молдавских звуков. Живые позиционные чередования не отделены в нем от традиционных исторических. Удивляет отсутствие главы об интонации. «Фонетика» изобилует и другими ошибками и неточностями уже более частного характера².

Мало удачным можно также считать опыт исторического введения, где так непоследовательно и противоречиво изложены взгляды на взаимоотношения молдавских и румынских литературных и разговорных норм, а также — на диалектную основу молдавского литературного языка. Периодизация истории молдавского языка дана не на единичных основаниях.

Рассматривая раздел морфологии, которой отведено в «Курсе» самое значительное по объему место, прежде всего следует отметить, что наряду с положениями, которые находятся в соответствии с достижениями современной науки о языке, здесь имеется и целый ряд устаревших, неверных положений, отражающих уже давно пройденные этапы развития языкознания.

Такое, например, представленное в «Курсе» учение о наклонениях глагола. Из определения категории наклонения узнаем (стр. 327, 328), что наклонение выражает то, каким образом говорящий представляет себе отношение глагольного действия к действительности («... кум сокоате ворбиторул рапортул фацэ де реалитате а прочесулуй експримат де верб»). Из последующего же изложения оказывается, что в молдавском языке имеются личные и неличные «наклонения». К «неличным наклонениям» (модуриле неперсонале) относят инфинитив, причастие, герундий. Естественно при этом, что описание этих форм не содержит характеристики их с точки зрения отношения к действительности, так как отношения к действительности эти формы не выражают и противопоставляются другим глагольным формам совсем по иным признакам (по отсутствию способности выражать сказуемые отношения, по своей близости к именам и т. д.). От трактовки неличных глагольных форм как особых наклонений уже давно отказались все грамматисты как у нас, так и за рубежом. Одно из редких исключений составляет в этом отношении Академическая грамматика румынского языка, с которой в данном случае не следовало брать примера.

Что касается других наклонений, то нельзя, например, считать даже приблизительно верным определение значения конъюнктива. Форме этой приписываются грамматические значения (возможности действия, цели, необходимости, желания, просьбы, сомнения и т. д.; см. стр. 329), которые в одних случаях выражаются лексическим значением глагола или контекстом, а в других вообще отсутствуют. В этом нетрудно убедиться на примерах, предлагаемых автором раздела: *trebuie să vedem* «надо посмотреть», *trebuie с 'o мерещ* «надо, чтобы ты это заслужил» (подчеркнуто мной. — В. Т.). В примере *се ласа олакэ сэ се ходиняскэ* «позволяла себе немного отдохнуть» и вовсе не обнаруживается ни один из указанных оттенков значения формы. Значение неуверенности действия, приписываемое форме прошедшего времени конъюнктива (стр. 367), в при-

¹ Ср. Д. Михалчи, О лукраре колективэ а лингвистилов молдовенъ, газ. «Молдова социалистэ» 17 II 57.

² См. Н. Корчинский, Ун сукчес елоквент, газ. «Култура Молдовей» 6 I 57; Р. Удлер, В. Сорбалэ, Фонетика, «Култура Молдовей» 21 II 57.

водимом примере содержится в глаголе главного предложения: *ну кред, сз фи ындрэзнит* «не думаю, чтобы они осмелились» (подчеркнуто мной. — В. Т.). Сложность и многообразие функций конъюнктива в молдавском языке действительно создает большие трудности определения его значений, но не оправдывает, на наш взгляд, того смешения значений формы с лексическим значением слов и общим смыслом предложения, которое наблюдается в работе.

Подобное смешение обнаруживается и при анализе других категорий. Так, одним из значений формы будущего времени считается способность этой формы выражать неуверенность (акциуна ындоелынэ; стр. 362). В примере же эта неуверенность выражена в содержании всего предложения, связана с его вопросительным характером.

Частица *сз* при конъюнктиве неверно названа союзом (стр. 209). Эта частица уже давно утратила свое союзное значение и стала аналитическим средством выражения глагольной категории (сослагательного наклонения), регулярно включаемым в парадигмы спряжения всеми грамматиками, не исключая и самого «Курса». Значение союза ощущается в частице *сз* лишь при употреблении формы конъюнктива в некоторых типах придаточных предложений.

Значения временных форм индикатива описаны довольно подробно. Спорным, однако, является включение молдавского имперфекта в разряд относительных времен (стр. 328), тем более, что при характеристике значений имперфекта (стр. 349—351) никаких аргументов в пользу этого мнения не приводится. Хорошо, что в группе прошедших времен значение простого перфекта определяется в плане сопоставления со значением сложного перфекта, так как обе формы тесно связаны по значению. Однако область употребления сложного перфекта искусственно сужена. Не отмечается тот неоспоримый факт, что в современном языке сложный перфект может употребляться для выражения всякого прошедшего действия (исключая сферы имперфекта), в том числе действия, происшедшего в весьма отдаленные от момента речи периоды времени и при наличии уточняющих этот период обстоятельственных слов. Например: *ын вануа ХІХ с'а дизволтат им студияря лимбий молдовенешть ын школле Бесарабией* «в XIX веке началось (стало распространяться) изучение молдавского языка в школах Бессарабии» (стр. определение значения этой формы на стр. 354).

Неверно, на наш взгляд, объяснение второй формы будущего времени *ам сз кынт* «спою, буду петь». В «Курсе» приобретение этой конструкцией значения будущего времени объясняется (стр. 360) близостью модального значения конъюнктива (возможное действие) к временному значению конструкции в целом. Однако поскольку конъюнктив в молдавском языке имеет тенденцию повсюду заменять инфинитив (теряя при этом свое собственное модальное значение), то очевидно, что новая разговорная форма будущего времени построена по типу, который в давние времена послужил образцом для создания будущего времени в западных романских языках, с той лишь разницей, что вспомогательный глагол в молдавском языке находится в препозиции, а не в постпозиции. Временное значение будущего связано в этой форме не с модальным значением конъюнктива (который и не имел его в указанной конструкции), а, как это было и при образовании форм будущего времени в западных романских языках, с оттенком намерения, должностности глагола *а аея* «иметь», приобретаемого им в такого рода конструкциях (ср. в современном французском языке: *j'ai à chanter* «я должен, я намереваюсь петь»).

Непонятно, почему залог исключается авторами из системы грамматических категорий глагола (см. § 100), хотя в дальнейшем изложении описанию залоговых отношений и уделяется место (§ 104). Категория залога в молдавском языке имеет вполне определенные грамматические средства выражения, специальные глагольные формы, и не включать ее в глагольные категории нет никаких оснований.

Противоречиво и непоследовательно дано учение о структуре слова. Так, формоизменяемый постпозитивный артикль (*скауну-а* «стул») называется то флексией (стр. 208), то суффиксом (стр. 210), то служебным словом (стр. 215); одна и та же глагольная основа — то основой (стр. 344), то корнем (стр. 343), хотя в § 71, где определяются эти понятия, делается предупреждение о необходимости их разграничивать (стр. 210).

Образующими личными глагольными формами основами в некоторых случаях почему-то считаются не сами глагольные основы, а инфинитив и причастие, которые ни в какие времена не служили и не служат в молдавском языке продуктивными элементами для образования простых глагольных форм (в качестве глагольных основ инфинитив и причастие выступают лишь в аналитических формах). Так, по-видимому, на том основании, что личные окончания имперфекта совпадают с окончаниями настоящего времени глагола *а аея* «иметь», образование этой формы представлено как инфинитив + глагол *а аея* (стр. 349). Но такое расчленение имперфекта неверно с точки зрения исторической, поскольку молдавский имперфект образован не от инфинитива, а продолжает соответствующую латинскую форму. Искусственно и неверно оно также с точки зрения структуры формы в современном молдавском языке и даже как чисто практический прием не помогает уяснению образования форм. Ведь как ни делить, например, форму *кынтам* «я пел, мы пели» (*кынт-ам* или *кынта-м*), одновременно выделить в ней инфинитив и глагол *а аея* не удается. В глаголах других спряжений: *коборам* «испускал», *дучам* «вел» и вовсе нельзя усмотреть формы инфинитива (*а дуче*, *а коборы*).

Что касается образования простого перфекта, то и он образован не от самого причастия (см. стр. 351), а от основы причастия, которая лишь в непродуктивном III спряжении совпадает с формой самого причастия (*дус* «ушедший», *зис* «сказанный»), а в живых продуктивных спряжениях (I и IV) не отличается от основы, образующей другие глагольные формы (ср. *кынт-ай*, *кынт-ашь*, *кынт-э* — перфект и *кынт-ам*, *кынт-ай*, *кынт-а* — имперфект).

Учение о падежной системе так, как оно изложено в «Курсе», представляет определенный анахронизм. Молдавысты все еще упорно не хотят отказаться от традиционной схемы четырехпадежного склонения, хотя схема эта не отражает реально существующей в языке системы форм.

Молдавский язык не располагает специальными формами для именительного, родительного, дательного и винительного падежей, значение и функции которых подробно описаны в «Курсе» (см. главу об оморфнии падежей на стр. 234). Выраженных специальными падежными флексиями падежных форм существительных в молдавском языке различается только две: *каэз* «дом» и *касе*. Первую из них можно назвать прямым или субъектно-объектным падежом, вторую — косвенным или падежом косвенного дополнения. Но даже эти две падежные формы обнаруживаются только в единственном числе слов женского рода. Во множественном же числе и в обоих числах мужского и так называемого обоюдного рода специальные падежные формы выделить и совсем невозможно. Большинство молдавских существительных изменяется, таким образом, лишь в числе, а во всех «падежах» они остаются неизменяемыми. В роли своеобразной двухпадежной (постпозитивной и препозитивной) флексии выступает здесь, правда, определенный и неопределенный артикли (*ун луп* «волк», *унуй луп*, *лупул*, *лупулуй*). Поэтому вместо длинных парадигм и перечисления «типов склонения» достаточно предложить схему двухпадежного склонения артикля и сказать, что без артикля существительное по падежам не изменяется, кроме существительных женского рода, в которых форма косвенного падежа совпадает с формой множественного числа. Зная правила образования множественного числа существительных, таким образом можно получить любую (из двух) падежную форму.

Такое представление остатков падежной системы в молдавском языке не только более удобно и правильно методически, но и научно обосновано, так как исходит из живых форм молдавского языка, дает понятие о системе форм, специфике этой системы в молдавском языке. Традиционное же учение о четырех падежах, приписывающее молдавскому языку категории, широко распространенные в других языках, но не получившие развития в молдавском, целиком покоится на русской и латинской грамматиках, не отражает специфики молдавского языка и давно требует пересмотра.

В связи с этим следует сказать, что авторы «Курса» вообще чувствуют себя более уверенно тогда, когда дело идет о категориях, имеющих в русском языке и, следовательно, разработанных русистами. Специфика грамматической структуры молдавского языка описана слабее. Часто по поводу тех или иных явлений языка авторы ограничиваются общими замечаниями, пригодными для многих других языков. Так, очень поверхностно и общо описаны залоговые отношения (§ 104), категории лица и безличные глаголы (§ 103), понятия переходности и непереходности (стр. 326—327). А между тем все эти категории имеют в молдавском языке как со стороны значения, так и в отношении их внешнего выражения, ряд специфических особенностей, на которых главным образом и следовало бы остановиться.

При характеристике частей речи не учтено, что большое количество местоименных форм молдавского языка имеет несамостоятельный, служебный характер. Например, так называемые «краткие» формы личных местоимений *мэ* «меня», *те* «тебя», *о* «ее», *ыл* «его» и т. д. не употребляются без глагола; также ряд указательных местоимений (*ачест* «этот», *ачастэ* «эта» и др.) не употребляются без существительного, при котором они, заменяя артикль, выполняют роль своего рода детерминативов (в *ачест нуй* «этот дышлонок», *ачешть нуй* «эти дышла» указательный детерминатив выражает род и число существительного). В результате все слова местоименного содержания неправильно относятся к разряду слов самостоятельных (§ 72).

Характеризуя средства, которыми располагает молдавский язык для образования новых слов и форм (§ 70), автор раздела ограничивается их перечислением, не определяя места и степени распространения каждого из этих средств в языке (отмечается лишь характерность изменения основы). Не подчеркнута, в частности, особая продуктивность в современном языке аналитических средств выражения (ср. такие относительно новые образования разговорного языка, как *ам сэ кынт*, *о сэ кынт* «спую, буду цеть»), не дается оценка специфической комбинации аналитических и синтетических средств, столь характерной для молдавского языка, не отмечаются особенности самого молдавского аналитизма.

С другой стороны, в работе не учитывается то общее, что имеется во всех романских языках, не используются достижения языкознания в области романистики, хотя изучение родственных молдавскому языков имеет очень длительную и во многих отношениях поучительную для молдавыстов традицию.

Так, не оставляет сомнений сложность определения грамматических значений артикля. Категория артикля во всех языках представляет одну из наиболее трудных проблем грамматики. Но по поводу сущности основных значений романского артикля написано много трудов, имеется много теорий. Поэтому желательно, чтобы авторы разделили об артикле в своих описаниях этой категории четко ориентировались на какую-нибудь, пусть даже не свою, но последовательную и глубоко продуманную теорию. Однако в «Курсе» это не ощущается. Общим видам субстантивного артикля (как определенному, так и неопределенному) приписывается функция индивидуализации сущительного (стр. 426); значение определенности и неопределенности, сообщаемое сущительному определенным и неопределенным артиклем, на стр. 207 называется грамматическим, на стр. 209 — грамматическим и семантическим, на стр. 426 — семантическим.

В работе много отдельных неясностей, неточных формулировок, неудачных выражений, часто даже просто досадных недоразумений, на которых не позволяют остановиться размеры рецензии. В качестве примера приведем, однако, случай с формой *луй* при сущительных собственных, обозначающих лицо (*журнала луй Некрасов* «журнал Некрасова»). На стр. 434 она названа артиклем (хотя правильнее эту форму было бы считать своеобразной препозитивной флексией, выражающей падежные отношения), а на стр. 302 уже явно ошибочно — притяжательным местоимением, которое и анализируется в главе, посвященной местоимениям.

Подводя итоги, можно сказать, что на недостатках научной стороны «Курса», несомненно, сказалось отсутствие прочной научной базы в молдавистике вообще, отсутствие большого количества серьезных и глубоких исследований как в области современного языка, так, особенно, и по его истории. В результате «Курс» в целом представляет не столько обобщение большой исследовательской работы самих молдавистов, сколько собрание и классификацию материала, так или иначе известного из других источников.

Коснемся теперь проблемы литературных норм молдавского языка и того, как эта проблема разрешена в «Курсе».

Известно, что молдависты в своем стремлении создать единые нормы литературного молдавского языка долгое время исходили из предвзятого и ошибочного мнения о необходимости противопоставить нормы молдавского языка нормам литературного языка, принятым в Румынии. Следствием этих тенденций, преодолеваемых с большим трудом лишь в последнее время, было значительное обеднение молдавского литературного языка и засорение его узко диалектальными элементами.

Авторы «Курса» избрали другой, на наш взгляд, более удачный путь определения единых норм молдавского языка. Они стали искать их в самом литературном языке, вернее, в языке художественных произведений молдавских писателей. Эта ориентация на ту языковую реальность, которая создана на протяжении многих лет, уже сама, являясь предпосылкой правильности многих изложенных в «Курсе» взглядов на нормы молдавского литературного языка, оберегала авторов от опасностей предвзятого ненаучного подхода к их определению.

«Курс» достаточно широко отражает поиски новых путей установления литературных норм, в результате чего получили права гражданства многие забытые и искусственно игнорируемые слова и формы (например, простой перфект), которые обогащают современный язык, делают его более гибким и выразительным.

Однако вместе с тем нельзя не отметить и некоторой тенденциозности авторов «Курса»: из нескольких, употребляемых в литературе вариантов иногда выбирался ими тот, который имел наибольшее распространение в ранние периоды развития молдавской литературы, а не тот, который чаще встречается теперь. Показательно, что сами авторы «Курса» не всегда пользуются теми литературными нормами, которые они рекомендуют в своей работе. Так, например, глагольные формы *e*, *eu* (3-е лицо единственного и множественного числа глагола *a lua* «брать»), *a ave* «иметь» (инфинитив) и ряд других, широко употребляемые авторами в работе (см. стр. 212, 328, 373 и др.), не приводятся в парадигмах спряжения этих глаголов даже в качестве возможных литературных вариантов (см. спряжение вспомогательных и неправильных глаголов на стр. 408—410, 412). Окончание *-e* в инфинитиве глаголов 2-го спряжения считается диалектным (см. стр. 24).

В результате создается впечатление, что сами лингвисты, авторы «Курса современного молдавского литературного языка», по которому изучают молдавский язык сотни студентов, не в достаточной мере владеют нормами литературного молдавского языка и пользуются диалектизмами.

Следует, правда, учесть, что и сейчас одной из задач молдавистов является исправление многочисленных ошибок в области нормализации языка, допущенных в предыдущие периоды. Поэтому стремление восстановить в правах формы, которые долгое время официально игнорировались и изгонялись, а вследствие этого были отчасти забыты, в какой-то мере понятно и имеет оправдание. Но и в этом отношении, разумеется, следует избегать крайностей. Нельзя совсем избегать чрезвычайно широко распространенных в современном языке слов и форм только на том основании, что их употреб-

ление в письменном литературном языке не имеет особенно длительных традиций. Такие формы можно давать, если не как основные, то как возможные варианты, с указанием на степень их распространения в языке, на принадлежность их к тому или иному стилю речи и т. д.

В этой связи следует сказать, что в «Курсе» вообще очень мало внимания уделено характеристике слов и форм с точки зрения их употребительности и распространения в языке, мало изучаются их стилистические оттенки. Даже стилистической дифференциации словарного состава уделено всего несколько страниц. Не всегда отмечается продуктивность или непродуктивность того или иного явления в языке.

В заключение — о композиции «Курса» и о работе редакции. К сожалению, приходится отметить, что «Курс» не создает впечатления единого по замыслу произведения. В отдельных частях и разделах его сильно ощущаются индивидуальные склонности авторов к тому или иному типу описания языковых явлений. Так, фонетика дана в чисто нормативно-описательном плане и без элементов истории. В описании молдавской лексики, напротив, преобладает исторический план. Раздел морфологии, построенный в основном по типу практических описательных работ, снабжен отдельными историческими экскурсами. По некоторым спорным вопросам иногда приводятся разные мнения. Одни разделы начинаются с описания значения той или иной категории в современном языке (в большинстве случаев), другие — с происхождения форм (см., например, общую характеристику местоимений на стр. 283), третьи — с примеров, как в школьных учебниках (см. употребление личных местоимений, стр. 291).

Подобную разноплановость частей работы можно объяснить только тем, что и самими составителями «Курса» и, в частности, его редакции не вполне были ясны цели и задачи, которые стояли перед ними при его написании. Было ли этой задачей создать на основе научных исследований нормативный, практический курс современного языка, своего рода грамматический справочник (см. предисловие к Академической грамматике русского языка) или задачей было создание теоретического курса, включающего обсуждение проблем, полемику, дискуссии? В предисловии к «Курсу» по этому поводу ничего не сказано, кроме того, что «Курс» — научный. Но научной работа может быть и нормативная и проблемно-теоретическая. Рассматриваемый труд, как уже отмечалось, представляет смешанный тип. Наряду с преобладающим нормативным описанием фактов языка в нем есть элементы теории. Однако относящиеся к этим элементам исторические экскурсы не придают работе большой ценности, поскольку в большинстве случаев они слишком примитивны, схематичны, поверхностны, касаются лишь самых общих вопросов происхождения и истории молдавских форм. Кстати, странно звучит частое подчеркивание романского происхождения молдавского языка. Факт этот давно установлен, не подвергается сомнению и не требует специальных доказательств, приводимых в «Курсе» (см., например, стр. 343).

Недостаточная работа редакции сказалась и в более частных вопросах построения «Курса». Так, книга изобилует повторениями. Общее определение категории наклонения находим и на стр. 327, и на стр. 328. Модальные значения отдельных наклонений определяются и в главе о наклонениях (стр. 329—332) и в главе о временах этих наклонений (стр. 364—370). Употребление одних и тех же форм личных местоимений только с несколько различных сторон изучается в отдельных параграфах с разными заголовками (см. стр. 287 и стр. 291). Значения предлогов изучаются и в главе о предлогах (стр. 442—457), и в главе о падежах существительного (стр. 234—236). Непонятно, почему артикль — средство выражения грамматических категорий существительного, необычайно тесно связанный с ним в молдавском языке, рассматривается отдельно от существительного (правда, это уже вопрос не только технического порядка). При этом повторяются парадигмы склонения артикля, данные уже в главе о существительном.

В некоторых формах, например в парадигме простого перфекта, следовало бы пропустить ударения, так как, принадлежа к письменному языку, эта форма часто произносится с неверным ударением. В работе отсутствуют библиография и список цитируемых авторов.

В заключение можно сказать, что несмотря на ряд серьезных недостатков, на которые мы считали наиболее целесообразным здесь остановиться в первую очередь, работа в общем была встречена с удовлетворением всеми, кто обучает или обучается молдавскому языку. Следует также надеяться, что работа послужит толчком к дальнейшему изучению молдавского языка во всех его аспектах.

В. П. Тимова